

Научный журнал «Менеджер». 2025. № 7(113). С. 48-64.

Scientific Journal "Manager". 2025;(7/113):48-64.

Теории, концепции и модели государственного и муниципального управления

Научная статья

УДК 338.246

JEL: H11, I38

<https://doi.org/10.5281/zenodo.17415073>

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ СОЦИАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Евгений Валериевич Котов¹, Ольга Юрьевна Савченко²

¹Донецкая академия управления и государственной службы, Донецк, ДНР, Россия, kotovev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0926-3072>

²Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького, Донецк, ДНР, Россия, o.j.savchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7455-6429>

Аннотация. Исследование посвящено анализу процесса социализации государственной экономической политики через призму международного опыта. Социализация рассматривается как направленная интеграция социальных целей и потребностей в разработку и реализацию государственной экономической политики, что становится всё более актуальным в условиях роста социального неравенства, автоматизации производственных процессов и демографических изменений. Ключевой особенностью исследования является выявление терминологической дивергенции между отечественной и зарубежной научными традициями. Если в российской науке концепт социализации экономической политики операционализируется через усиление государственного интервенционизма, то в зарубежном академическом дискурсе используются альтернативные конструкты, использующие децентрализацию экономических процессов и активизацию роли гражданского общества. Представлена комплексная типология моделей социализации на основе анализа пяти региональных подходов с детализацией их специфических характеристик. Полученные результаты позволяют расширить понимание роли социальных факторов в формировании экономической политики и развивают концепцию взаимосвязи между социальной справедливостью и экономической эффективностью. В области социальной политики предложена новая парадигма анализа через призму экономических решений, а в компаративистике создана комплексная сравнительная рамка для анализа различных национальных моделей. Практическая значимость результатов – в предоставлении научно-обоснованных рекомендаций по реформированию социальной и экономической политики, формировании концептуальной основы для разработки стандартов социальной защиты. Исследование также направлено на формирование терминологического аппарата для российской школы изучения социализации экономической политики и предлагает методологическую основу для дальнейших эмпирических исследований на стыке экономики, социологии и политологии.

Ключевые слова: социализация, управление, экономическая модель, государственная политика, социальная защита, социальная справедливость

Финансирование: исследование выполнено в рамках фундаментальной научно-исследовательской работы «Механизмы социализации государственной экономической политики», регистрационный номер НИОКТР 124012900542-6.

Для цитирования: Котов Е. В., Савченко О. Ю. Зарубежный опыт социализации государственной экономической политики // Научный журнал «Менеджер». 2025. № 7(113). С. 48-64. <https://doi.org/10.5281/zenodo.17415073>.

Original article

FOREIGN EXPERIENCE OF SOCIALIZATION OF STATE ECONOMIC POLICY

Evgeny V. Kotov¹, Olga Yu. Savchenko²

¹Donetsk Academy of Management and Public Administration, Donetsk, DPR, Russia, kotovev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0926-3072>

²Donetsk State Medical University named after M. Gorky, Donetsk, DPR, Russia, oj.savchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7455-6429>

Abstract. This study analyzes the process of socialization of state economic policy through the lens of international experience. Socialization is examined as the targeted integration of social goals and needs into the development and implementation of state economic policy, which becomes increasingly relevant in the context of growing social inequality, automation of production processes, and demographic changes. A key feature of the research is the identification of terminological divergence between domestic and foreign scientific traditions. While in Russian science the concept of economic policy socialization is operationalized through enhanced state interventionism, foreign academic discourse employs alternative constructs that emphasize decentralization of economic processes and activation of civil society's role. A comprehensive typology of socialization models is presented based on the analysis of five regional approaches with detailed specification of their distinctive characteristics. The obtained results expand understanding of the role of social factors in economic policy formation and develop the concept of the relationship between social justice and economic efficiency. In the field of social policy, a new analytical paradigm through the prism of economic decisions is proposed, while in comparative studies, a comprehensive comparative framework for analyzing various national models is created. The practical significance of the results lies in providing evidence-based recommendations for reforming social and economic policy and forming a conceptual foundation for developing social protection standards. The research also aims to establish terminological apparatus for the Russian school of economic policy socialization studies and offers a methodological basis for further empirical research at the intersection of economics, sociology, and political science.

Keywords: socialization, governance, economic model, state policy, social protection, social justice

Funding: the study was carried out within the framework of the fundamental research work "Mechanisms for the socialization of state economic policy", R&D registration number 124012900542-6.

For citation: Kotov E. V., Savchenko O. Yu. Foreign experience of socialization of state economic policy // Scientific Journal "Manager". 2025;(7/113):48-64. (In Russ.), <https://doi.org/10.5281/zenodo.17415073>.

Введение

Современные требования к государственной экономической политике не ограничиваются исключительно обязанностями стимулирования роста валового внутреннего продукта (ВВП), контроля за инфляцией, содействия увеличению инвестиций в отрасли экономики. От государственной экономической политики всё сильнее требуется учитывать социальные последствия экономических решений, увеличение управленческих и экономических ресурсов для достижения социальной стабильности, социальной справедливости и равенства. Среди стратегических социальных задач современной экономической политики государства всё сильнее актуализируются задачи, направленные на снижение социального неравенства,

справедливое распределение доходов, равный доступ к социальным благам и повышение качества жизни. Процесс направленной интеграции социальных целей и потребностей в разработку и реализацию государственной экономической политики и обеспечение социальных справедливости и равенства в государственных управленческих решениях в экономической сфере всё чаще заменяется ёмким понятием «социализация государственной экономической политики» и достаточно широко исследуется в научной среде.

Актуальность социализации государственной экономической политики обусловили ряд факторов, таких как рост социального неравенства, автоматизация производственной деятельности человека, демографические изменения. Социальное неравенство порождается моделью экономических отношений, построенной на рыночных принципах хозяйствования, в рамках которых доходы среди различных слоёв населения распределяются неравномерно, и без государственного вмешательства оно (неравенство) будет только увеличиваться, приводя к усилению социальной напряжённости и угрозе политической стабильности. Такие факторы, как автоматизация и демография порождают ряд социальных рисков (безработица, деградация профессий, миграция, старение населения, снижение рождаемости), противодействие которым требует ускоренной адаптации экономической политики в сторону её социализации, в том числе путём пересмотра инструментов и принципов экономического обеспечения квалификационной, пенсионной, медицинской, жилищной, образовательной и иных видов государственной поддержки и обеспечения. В связи с чем актуальными задачами социализации экономической политики становятся снижение уровня бедности и социального неравенства, полное и всеобъемлющее обеспечение социальных гарантий для всех граждан, формирование равных стартовых возможностей (доступ к образованию, здравоохранению, труду), обеспечение социальной справедливости и удовлетворения социальных потребностей общества не только без угрозы экономическому развитию, а и содействующие ему.

При определении принципов построения социально справедливых и эффективных, человеко-ориентированных моделей экономики одним из важных инструментов является изучение международного опыта в названной сфере. Российская экономическая практика нуждается в реформировании, и зарубежный опыт позволит сформировать представление об эффективных и неэффективных инструментах и механизмах социализации государственной экономической политики, выработать показатели, критерии и принципы достижения результата. В данном контексте зарубежный опыт – это, в первую очередь, не набор универсальных рецептов, а источник идей, результатов и предупреждений, помогающих сформировать социализированную экономическую политику государства и обеспечить её качественную реализацию.

Цель и задачи исследования

Исходя из вышеназванного, цель статьи – анализ международного опыта социализации государственной экономической политики и выявление направлений его адаптации к российским условиям.

Для достижения цели исследования решены следующие задачи:

проведён анализ программы ASPIRE как инструмента диагностики социализации государственной экономической политики;

сформирована типология моделей социализации государственной экономической политики и проведён их анализ в контексте исследуемой проблемы;

предложены направления социализации государственной экономической политики России.

Методы исследования

В работе использовались компаративный метод при анализе различных моделей социализации государственной экономической политики, системный анализ документов и данных, типологический метод при создании комплексной типологии моделей социализации на основе выделения пяти региональных подходов (латиноамериканская,

англо-саксонская, азиатская, европейская континентальная, скандинавская), контент-анализ при изучении источников информации научной литературы, а также индикаторный подход при использовании количественных показателей эффективности социальной защиты и междисциплинарный подход при интеграция методов экономики, социологии и политологии для комплексного анализа социально-экономических процессов.

Результаты исследования и их обсуждение

Современное государство сталкивается с необходимостью балансировать между обеспечением экономической эффективности и соблюдением социальной справедливости. Успешное балансирование позволяет снизить уровень социального неравенства и повысить эффективность государственного управления в сфере удовлетворения социальных потребностей и обеспечения социальных гарантий. Улучшение социальной составляющей зоны ответственности государства приводит к аналогичным результатам и в экономической – росту валовых внутреннего и национального продуктов (ВВП и ВНП), производительности труда, укреплению конкурентоспособности экономической модели. Однако до настоящего времени успешных примеров такого балансирования нет. Практика показывает, что баланс часто нарушается в пользу экономической составляющей. Необходимо отметить, что важно избегать любых крайностей: избыточная социализация может привести к снижению экономической мотивации и росту иждивенческих настроений, тогда как чрезмерный акцент на эффективности экономической политики может усилить социальное неравенство и напряжённость.

Необходимо подчеркнуть, что дефиниция «социализация государственной экономической политики» не получила широкого признания в академическом дискурсе и не обладает универсальным характером, что особенно заметно в англо-американской и европейской научных традициях. Концептуализация данного термина и его операционализация демонстрируют значительную дивергенцию между отечественной и зарубежной исследовательскими парадигмами, что обусловлено различиями в методологических подходах, институциональных контекстах и эпистемологических основаниях научного анализа социально-экономических процессов.

В рамках отечественной исследовательской традиции концепт «социализация государственной экономической политики» операционализируется преимущественно через призму усиления государственного интервенционизма и расширения регулятивных функций публичной власти в целях обеспечения социальной когезии, протекционистской защиты населения и достижения стратегических национальных приоритетов в условиях экзогенных дестабилизирующих факторов. Данная парадигма базируется на этатистской модели, позиционирующей государство в качестве доминантного актора институциональных трансформаций [1-8].

В зарубежном же академическом дискурсе терминологический аппарат «социализация государственной экономической политики» в данной коннотации применяется крайне ограниченно. Используются концептуально смежные конструкты (Social Economy, Solidarity Economy, Community Wealth Building, Doughnut Economics, Wellbeing Economy), которые артикулируют альтернативную методологию, центрированную на децентрализации экономических процессов, активизации роли институтов гражданского общества, кооперативных структур, локальных сообществ, некоммерческого сектора и диверсификации моделей собственности [9-15]. Эпистемологический фокус смещается в сторону демократического партисипативного управления, экологической устойчивости, редукции социального неравенства и трансценденции ограничений неолиберальной рыночной парадигмы.

Как отмечалось ранее, социализация государственной экономической политики подразумевает, что государство ставит социальные интересы и благополучие граждан

в центр своей экономической модели. Такие социальные приоритеты, как сокращение бедности, защита уязвимых социальных групп, справедливое распределение доходов и равный доступ к базовым услугам (здравоохранение, образование, социальная защита) становятся фундаментом этой экономической модели и находят свою реализацию в системе государственного стратегического планирования. В связи с этим одной из главных задач социализации становится построение справедливой и устойчивой системы социальной защиты, которая должна минимизировать негативные последствия экономических колебаний и гарантировать каждому человеку достойный уровень жизни.

Решение названной задачи требует доказательной базы, которая обеспечивает понимание о количестве и глубине нуждающихся в защите, полноте охвата нуждающихся в государственной социальной защите и отсутствие «утечек» в ней (когда социальные пособия получают те, кто не нуждается в социальной помощи), эффективности реализуемых государством программно-целевых мероприятий. В 2015 г. Всемирным банком (World Bank) была разработана и внедрена в практику программа Атлас индикаторов социальной защиты: устойчивость и справедливость (The Atlas of Social Protection Indicators of Resilience and Equity, ASPIRE), с помощью которой была создана сопоставимая база данных по эффективности социальной защиты в мире.

ASPIRE – это сборник визуализированных данных и индикаторов по 140 странам, подготовленное Всемирным банком для анализа охвата социальной защитой населения и эффективности программ социальной защиты. Индикаторы в Атласе представлены в отношении программ социального обеспечения, социального страхования и программ рынка труда. Собраны или рассчитаны индикаторы на основании данных администрирования социальных программ, результатах национальных обследований домохозяйств, официальных статистических отчетов и данных международных организаций (МВФ, ООН, МОТ и др.).

В качестве основных групп показателей, которые рассчитывает или использует Атлас, выступают (рисунок 1):

1. Охват программами социальной защиты. Показывает, какая доля населения получает поддержку: охват беднейших 20 % населения (доля самых бедных, охваченных программой); охват уязвимых групп (в качестве уязвимых группы выступают дети, пожилые люди, женщины, инвалиды); общий охват программами (процент населения страны, получающего выплаты по конкретной программе).

2. Финансирование и расходы. Измеряет объём ресурсов, выделяемых на социальную защиту: расходы на социальную защиту в процентах от ВВП (общие государственные расходы на все программы); средняя сумма выплаты (средний размер денежной помощи на человека или домохозяйство); объём трансфертов на одного бедного (сумма, выделяющаяся на одного нуждающегося).

3. Перераспределение доходов и снижение бедности. Оценивает, насколько эффективны программы в сокращении неравенства и борьбе с бедностью: снижение уровня бедности (насколько программа помогла вывести людей из бедности (перевести через черту бедности); коэффициент Джини до и после трансфертов (изменение уровня неравенства доходов благодаря социальным выплатам); эффективность программы по снижению бедности (насколько изменяется уровень бедности при увеличении/уменьшении выплат, предусмотренных программой).

4. Эффективность распределения ресурсов. Оценивает, насколько охвачены программой те, кто в больше всего нуждается: утечки (leakage; доля выплат, получаемых не бедными); пропуски (missing the poor; бедные, не охваченные программой); точность таргетирования (targeting accuracy; насколько эффективно программа охватывает целевую аудиторию).

Рисунок 1 – Индикаторы ASPIRE
 Figure 1 – ASPIRE indicators

В контексте социализации государственной экономической политики актуальность Атласа выражается в:

а) возможности проведения анализа недостатков и достоинств государственных систем социальной защиты, что позволяет своевременно выявить проблемы государственной социальной политики и оперативно принять меры для их решения;

б) обеспечении оптимизации процессов распределения ресурсов и более эффективного их использования;

в) выявлении зон неравенства, вследствие чего реализовать меры по устранению дискриминационных барьеров и обеспечить более высокий уровень социальной справедливости.

В рамках исследуемого контекста Атлас позволяет собрать и упорядочить данные, которые позволяют проводить более глубокий анализ и диагностику социализации экономической политики государства, создать платформу международного бенчмаркинга (представляет возможность сравнить состояние социализации экономической политики в рамках программ социального обеспечения, социального страхования и программ рынка труда между странами, изучить лучший международный опыт, оценить его и затем применить), подготовить информационно-аналитическую базу для разработки научно-обоснованных рекомендаций по улучшению систем социальной защиты.

Таким образом, Атлас – это не просто статистический справочник, а ключевой международный инструмент социализации экономической политики государства, позволяющий превратить абстрактные идеи о социальной справедливости и поддержке бедных в измеримые, сопоставимые и управляемые показатели. В настоящее время он играет центральную роль в мониторинге качества систем социальной защиты, содействует процессам социализации государственной экономической политики и обеспечения устойчивого и справедливого развития общества.

Методологической особенностью программы, которая является скорее её серьёзным недостатком, хотя и вызванным естественными причинами, – отсутствие актуальных данных по исследуемым странам. На момент подготовки статьи основные показатели программы приведены по данным 2007-2009 гг. и лишь отдельные страны имеют 2018-2019 гг. Это обусловлено рядом причин, среди которых стоит выделить сложности с обновлением данных в странах с ограниченными ресурсами и инфраструктурой (во многих странах с низким и средним доходом статистические системы слабо развиты, и проведение массовых соцопросов, переписей или обследований происходит редко – иногда с большими временными интервалами), высокую стоимость и трудоёмкость сбора данных (переписи и всесторонние обследования требуют значительных финансовых и организационных затрат, которые не всегда доступны), политическую нестабильность и конфликты (в ряде стран, особенно с нестабильной обстановкой, ведение регулярного официального учёта затруднено).

Несмотря на все преимущества ASPIRE, необходимо обратить внимание на ещё одну особенность данной программы – она разрабатывалась как инструмент сравнительного анализа социально-защитных систем и оценки их эффективности в странах с низким и средним уровнем дохода. Государства, которые признаны в мире как развитые (например, США, Германия, Япония и др.), в данной программе не учитываются. ASPIRE исключительно для государств, являющихся основными клиентами и объектами поддержки Всемирного банка. По мнению аналитиков данной организации, для стран с низким и средним уровнем дохода актуальным направлением социализации государственной экономической политики является поддержка и реформы социальной защиты в борьбе с бедностью и социальным неравенством.

Используя информационно-аналитические материалы и статистические базы данных программы ASPIRE, Всемирного банка, Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Международной организации труда (МОТ), Международного валютного фонда (МВФ), органов статистики отдельных стран, негосударственных аналитических организаций, результаты научных исследований [16-28], были выявлены основные характеристики социализации государственной экономической политики отдельных стран и систематизированы в рамках отдельных моделей.

Латиноамериканская модель (в первую очередь, это Бразилия, Аргентина, Мексика, Чили и Венесуэла): социализации государственной экономической политики лучше всего характеризуется следующим образом – популистская социальная политика государства в условиях значительного социального неравенства. Экономическая политика государства представляет собой смесь элементов рыночной экономики с активным государственным вмешательством и масштабными социальными программами, которые направлены преимущественно на поддержку беднейших слоёв населения. Такая экономическая модель исторически сформирована – Латинская Америка выступала в качестве сырьевого придатка для развитых стран и рассматривалась как один из наиболее перспективных регионов развития мировой экономики. Поэтому современная латиноамериканская экономическая модель продолжает традицию ориентации на эксплуатацию богатых природных ресурсов и использование дешёвой рабочей силы.

Социальные программы носят адресный характер – они призваны помочь конкретной социальной группе. Но эта адресность социальной защиты не достоинство, а скорее недостаток, поскольку вызвана она ограниченностью ресурсов, политической целесообразностью и неразвитостью стратегического управления. Социальные программы разрабатываются и реализовываются только в режиме *ad hoc* (ситуативные и фрагментарные) и зависят от политических и экономических циклов.

Фундаментальной характеристикой латиноамериканской модели является высокий уровень социального неравенства: индекс Джинни один из самых высоких в мире и составляет более 50 пунктов. Неравенство имеет множественные измерения: доходное, территориальное, этническое и гендерное, которые взаимно усиливают друг друга, создавая устойчивые барьеры для социальной безопасности, устойчивости и мобильности.

Системы здравоохранения и образования в латиноамериканских странах формально обеспечивают бесплатный доступ к базовым услугам для всех граждан, но качество этих услуг остаётся крайне низким. Хроническое недофинансирование, слабая инфраструктура, нехватка квалифицированных кадров и коррупция приводят к тому, что состоятельные слои населения вынуждены обращаться к частным медицинским и образовательным учреждениям. Это создаёт двухуровневую систему социальных услуг, которая воспроизводит и усугубляет существующее социальное неравенство.

Центральной особенностью латиноамериканской модели является фокусирование социальных программ на поддержке бедных слоёв населения, а не на создании универсальных систем социальной защиты [16; 17]. В сочетании с неэффективным перераспределением доходов, высокой неформальной занятостью (в теневом секторе экономики занято почти половина населения) и зависимостью от конъюнктуры цен на ресурсы данные программы и не могут носить никакого иного, кроме ситуативного, характера.

Тем не менее, отдельные социальные программы вызывают интерес, и их опыт активно и глубоко изучается в научной среде и сфере государственного управления других стран. Это программы условных денежных переводов (*Conditional Cash Transfers*), которые получили широкое распространение с 1990-х годов, и предоставляют денежные выплаты бедным семьям при выполнении определённых условий, связанных с образованием детей и охраной здоровья, или программы субсидирования приобретения продуктов питания. Наиболее известные из них – бразильская программа *Bolsa Família* и мексиканская *Bienestar*, стратегическая цель которых – разорвать цепочку передачи межпоколенческой бедности. Первая стала крупнейшей программой условных денежных переводов в мире, а вторая – первой общенациональной программой такого рода и прототипом для таких же программ по всему миру.

Бразильская программа предоставляет условные денежные трансферы семьям с низким доходом, зависящие от посещения детьми школ и вакцинации (охватывает 25 % населения). Мексиканская программа *Bienestar* также осуществляет выплаты семьям с детьми, привязанные к выполнению условий по образованию и здравоохранению детей –

регулярное посещение школ и прохождение медицинских осмотров, вакцинация. Её функционал был расширен, и в рамках данной программы предоставляются пенсии пожилым, относящимся к группе с низким уровнем доходов, и по инвалидности.

Продовольственные субсидии составляют ещё один важный компонент социальной политики региона. Поэтому латиноамериканские государства используют и узкоспециализированные социальные программы поддержки, такие как мексиканская *Liconsa*, которая субсидирует приобретение молока, тем самым обеспечивая продовольственную безопасность наиболее уязвимых групп населения. В рамках программы субсидируется приобретение молока для малообеспеченных, включая детей, беременных женщин и пожилых.

Пенсионные системы латиноамериканских стран смешанные – сочетают государственные пенсии, частные накопительные счета и корпоративные программы. Государственные пенсии обеспечивают минимальный доход, что недостаточно для поддержания достойного уровня жизни в условиях высокой инфляции и растущих цен на основные товары и услуги. Частные накопительные системы призваны повысить качество пенсионного обеспечения, но на практике часто приводят к высоким административным издержкам и низким доходностям для вкладчиков. К тому же относительно низкий пенсионный возраст (60-65 лет) не даёт преимуществ в связи с низкой продолжительностью жизни и высокой смертностью в трудоспособном возрасте (значительная часть населения не доживает до получения пенсионных выплат).

Таким образом, латиноамериканская модель обеспечивает базовое выживание беднейших слоёв населения и предотвращает острые социальные кризисы, но не создаёт устойчивых механизмов для преодоления бедности и обеспечения социально-экономической мобильности. Социальные лифты практически не функционируют, что консервирует существующую структуру социального неравенства. Низкий уровень социального капитала и доверия к государственным институтам ограничивает эффективность социальных программ и гражданского участия в решении социальных проблем. Высокая зависимость от сырьевого экспорта, политическая нестабильность и слабость институтов препятствуют созданию более эффективных и справедливых моделей социально-экономического развития.

Англо-саксонская модель экономики, наиболее яркий представитель которой – Соединённые Штаты Америки, традиционно рассматривается как эталон либерального капитализма с минимальным государственным вмешательством в экономические процессы. Однако реальность данного типа экономических отношений значительно отличается от теоретических нарративов, и элементы социализации государственной экономической политики присутствуют и выражаются в виде разнообразных социальных программ, государственного регулирования, государственной социальной помощи, механизмов перераспределения доходов.

Философия англо-саксонской модели основывается на одной из главной ценности – свободе. Из неё вытекает принцип максимизации экономических свобод и, как логическое следствие этого – принцип индивидуальной ответственности. Государство в этой системе берёт на себя минимум социальных обязательств, ограничиваясь обеспечением базовых функций защиты прав собственности, поддержания правопорядка и предоставления минимального набора социальных услуг для наиболее уязвимых категорий населения. Предполагается, что рыночные механизмы наиболее эффективно распределяют ресурсы и стимулируют экономический рост, принося выгоду всему обществу через эффект просачивания благосостояния.

Экономическая теория, названная как «эффект просачивания благосостояния» (*trickle-down effect*), появилась в рамках данной модели как инструмент оправдания, заложенных в её основание принципов. Широкое распространение получила в 1980-х годах, став центральным элементом так называемой «рейганомики». Суть – экономические выгоды, предоставляемые богатым и крупному бизнесу, со временем «просачиваются» вниз и приносят пользу более бедным слоям общества.

Практика, показала низкую эффективность и ангажированность данной теории, что вынудило государство усилить социализацию своей экономической политики через следование новой экономической теории, которая исповедовала прямо противоположный подход (не сверху вниз, а снизу вверх) и получила название «bubble-up economics» (экономика снизу-вверх). В рамках данной теории считается, что экономическое благосостояние начинается с нижних слоёв общества и «поднимается» к верхним. Внедрение в практику принципов новой теории привело к расширению целевых социальных программ и видов социальных трансфертов и пособий, повышению минимальной заработной платы, увеличению государственных расходов на образование, здравоохранение и инфраструктуру. Если не концентрироваться на деталях, то можно утверждать, что в США снова победил кейнсианский подход к формированию государственной модели экономики, однако больших успехов в социализации государственной политики в данной сфере он не достиг.

Структура социальных расходов США включает два основных компонента: обязательные и дискреционные расходы. Обязательные расходы (mandatory spending) представляют собой долгосрочные социальные программы, финансирование которых гарантировано законодательством и не зависит от ежегодных бюджетных решений. Обязательные расходы составляют около 60-65 % федерального бюджета, а их основной компонент – система социального обеспечения (Social Security) – около 22-23 % бюджета [18]. Система социального обеспечения, производящая выплаты пенсий и пособий по инвалидности, совместно с аналогичными обязательными программами Medicare и Medicaid (первая медицинское страхование для пожилых, вторая – для малоимущих), составляют более 50 % обязательных расходов. Система социального обеспечения финансируется через специальный налог на заработную плату и представляет собой систему межпоколенческого перераспределения доходов. Охватывает 90 % американцев старше 65 лет (68,5 млн в 2024 году), что больше, чем любая другая программа (Medicare – 17 %, Medicaid – 10 %).

Дискреционные расходы ежегодно утверждаются и включают финансирование различных федеральных социальных программ в области образования, здравоохранения, жилищного строительства и социального обеспечения. Такой подход позволяет оперативно реагировать на изменяющиеся социальные потребности и экономические условия, но в то же время создаёт неопределённость для получателей помощи и может приводить к политизации социальной политики.

Среди наиболее значимых социальных программ следует отметить: SNAP (Supplemental Nutrition Assistance Program) – программа продовольственной помощи, обеспечивающая продовольственными талонами миллионы малоимущих американских семей; TANF (Temporary Assistance for Needy Families) – предоставляет временную финансовую помощь нуждающимся семьям с детьми, но ограничивает срок получения помощи и требует от получателей активного поиска работы или участия в программах профессиональной подготовки; Head Start – направлена на обеспечение раннего детского образования и развития, подготовку детей из малообеспеченных семей к школьному обучению и выравнивание образовательных возможностей.

Несмотря на существование этих программ, уровень социализации американской экономики остаётся относительно низким, если сравнивать с экономическими моделями других стран. Ярко выраженная рыночная ориентация, где личная ответственность и личные доходы играют решающую роль в обеспечении доступа к качественным услугам здравоохранения, образования и социальной защиты, с одной стороны, создаёт стимулы для индивидуальной экономической активности, но с позиции социальной справедливости генерирует значительное социальное неравенство и не защищает тех, кто не способен самостоятельно достичь необходимых для нормальной жизни доходов. Цена экономической свободы – высокая степень социальной незащищённости для значительной части населения и высокий уровень социальной несправедливости.

Азиатская модель государственной экономической политики (Япония, Южная Корея, Сингапур, Китай и Вьетнам) основывается на синтезе активного государственного регулирования с ориентацией на экспортное производство и технологическое развитие с использованием рыночных механизмов (конкуренция и прибыль). Поэтому её социализация имеет ярко выраженные специфические характеристики, проявляющиеся в акценте на инвестициях в человеческий капитал, технологическое регулирование социальных процессов перенос основной ответственности за социальные гарантии с государственного уровня на корпоративный. Перенос социальной ответственности на корпорации (корпоративный welfare) снижает нагрузку на государственный бюджет, но создаёт другие риски вследствие старения населения (Япония), урбанизации (в Китае, активно урбанизирующемся, индекс Джинни вырос до 36 пунктов) [22; 23].

Система пожизненного найма на корпоративном уровне обеспечивает работникам стабильность занятости в обмен на лояльность и высокую производительность труда. Работники крупных корпораций редко подвергаются увольнениям даже в периоды экономических трудностей, а компании берут на себя обязательства по обеспечению комплексного социального пакета, включающего медицинское страхование, пенсионные накопления и различные социальные услуги. Корпоративные пенсионные системы и медицинское страхование заменяют государственные программы социального обеспечения, создавая неразрывную связь между трудовой деятельностью и социальной защитой. Многие крупные японские и южнокорейские компании предоставляют своим сотрудникам служебное жильё или жилищные субсидии, что особенно важно в условиях высокой стоимости недвижимости в азиатских мегаполисах. Созданная система корпоративной социальной защиты «намертво» привязывает работника к конкретному рабочему месту, тем самым гарантируя корпорации рабочие руки в долгосрочной перспективе и высокий уровень лояльности работника к корпоративным решениям в экономической и социальной сферах.

При минимальной прямой социальной помощи со стороны государства азиатские страны обеспечивают широкую доступность базовых социальных услуг образования и здравоохранения. Бесплатное образование в государственных школах (обеспечивается только на уровне начальной и средней – примерно до 15 лет), за исключением расходов на питание, транспорт, форму, учебные материалы, которые оплачивают родители, рассматривается как стратегическая инвестиция в человеческий капитал и основа будущего технологического развития.

Системы здравоохранения азиатских стран сочетают государственное финансирование базовых услуг с частными дополнительными программами. В Китае базовая медицинская страховка стоит около 30 долларов в год, обеспечивая доступ к основным медицинским услугам для подавляющего большинства населения. Сингапур реализует уникальную систему Medisave, которая сочетает личные сбережения, государственное страхование (MediShield Life) и фонды поддержки малообеспеченных (Medifund).

Система социальных пособий в азиатской модели охватывает только самые бедные и уязвимые слои населения. Такой подход обусловили культурные традиции личной и семейной ответственности: культивируется принцип, что трудоспособные граждане обеспечивают себя самостоятельно, а семья выступает в качестве первой линии социальной поддержки.

Таким образом, азиатская модель построена на высоких уровнях личной ответственности, использует корпоративную ответственность с минимальным государственным обеспечением. Такая система оптимальна для обществ с сильной трудовой этикой и коллективистскими культурными традициями, где индивидуальные интересы чётко и жёстко подчиняются общественным целям. Однако у тех, кто не вписывается в корпоративную систему занятости, уровень социальной защиты со стороны государства минимален. Азиатская модель, в сравнении с другими, менее социальна и более ориентирована на обеспечение экономического роста.

Европейская модель социализации государственной экономической политики, представляет собой симбиоз рыночной экономики и развитой системы социальной защиты. Её можно охарактеризовать как попытку обеспечить баланс между экономической эффективностью в рамках рыночных принципов хозяйствования и социальной справедливостью. Эта модель занимает промежуточное положение между высокосоциализированной скандинавской моделью и либеральной англо-саксонской системой [21; 24].

Фундаментальными особенностями являются развитые институты социального партнёрства и социального страхования. Профсоюзы имеют существенное влияние и активно участвуют в переговорах в качестве равноправных партнёров государства и работодателей. Система социального страхования финансируется преимущественно за счёт высоких налогов и обязательных страховых взносов (пенсионное – до 20 % от заработной платы, медицинское – до 16 % от заработной платы). Страхование по безработице обеспечивает высокие выплаты и подкрепляется активными программами переквалификации и трудоустройства, направленными на быстрее возвращение граждан на рынок труда.

Социализация государственных решений в сфере образования выражается в гарантировании бесплатности или низкой стоимости образования. Бесплатное или льготное образование предоставляется не только на школьном уровне, но часто распространяется и на высшее образование, что обеспечивает равенство возможностей и способствует социальной стабильности.

Несмотря на то, что система социальной защиты основана на принципе, по которому объём получаемой социальной помощи зависит от успешности человека в трудовой деятельности, государство берёт на себя повышенные социальные обязательства. Государственные социальные расходы в некоторых европейских странах составляют более 40 % ВВП, что свидетельствуют о высоком уровне социализации их государственной экономической политики. Высокие налоги и достаточно жёсткое государственное регулирование обеспечивают эффективное перераспределение ресурсов с акцентом на соблюдение принципов социальной справедливости.

Ещё одной моделью государственной экономической политики, состояние социализации которой необходимо оценить, является скандинавская (Дания, Исландия, Норвегия, Швеция и Финляндия, в меньшей степени – Исландия). Скандинавская модель – это попытка найти «третий путь», а именно сформировать систему, расположенную на стыке капитализма свободного рынка и социализма централизованного планирования, отчего её часто называют «скандинавским социализмом». Данная модель включает всеобъемлющее государство благосостояния и многоуровневые коллективные переговоры, основанные на социальном корпоративизме, с приверженностью частной собственности в рамках рыночной смешанной экономики [28].

Скандинавская модель предоставляет универсальную систему социальной защиты, которая выражается в предоставлении всеобщих социальных выплат, качественных медицинских услугах и уходе. В отличие от латиноамериканских моделей, где социальная помощь государства фокусируется на бедных, или англо-саксонских, где поддержка ограничена, скандинавские страны предоставляют универсальные социальные блага, доступные всем гражданам. Это и бесплатное здравоохранение, и образование (от детских садов до университетов), и высокие социальные пособия, такие как пенсии (в Швеции средняя пенсия составляет около 70 % от дохода до выхода на пенсию), пособия по безработице (в Дании до 90 % прежней зарплаты в течение двух лет) и детские выплаты (в Швеции пособие на ребенка до 16 лет составляет 1250 шведских крон в месяц, что примерно равно 134 дол. США, а если детей более одного, еще по 1250 шведских крон в месяц на каждого ребенка). Бесплатное или субсидированное здравоохранение в скандинавской модели покрывает почти все медицинские услуги, включая стоматологию для детей.

В результате такой государственной политики нордические страны характеризуются высоким уровнем жизни и низким неравенством доходов, что находит своё отражение в высоких местах в различных международных рейтингах – по качеству и продолжительности жизни, уровню образования, индексу счастья, демократии, отсутствию коррупции, доверию власти, социальной безопасности и социальной сплочённости. Достигается это за счёт жёсткой налоговой политики. Налоговая нагрузка на экономику самая высокая в мире. В среднем она составляет 42 % от ВВП (средний показатель ОЭСР не выше 34 %), а НДС – 25 %. Высокие налоги на доходы физических лиц: налоговая ставка, дифференцированная от уровня дохода, значительно превышает мировые стандарты, достигая 56 % в Дании при среднемировом показателе 31 %. Это обеспечивает эффективное перераспределение доходов: коэффициент Джини один из самых низких мировых показателей.

В профсоюзы входит до 70 % работников, а созданная модель коллективных переговоров является наиболее эффективной в мире. Лёгкость найма и увольнения работника сочетается с высоким уровнем его социальной защиты (пособия, переобучение), что позволяет сохранять низкий уровень безработицы (до 5 %) и высокую занятость (почти 80 % трудоспособного населения).

Скандинавская модель, в определённой степени, может служить примером успешной социализации государственной экономической политики, где универсальность, высокий уровень доверия граждан к государственным институтам (70-80 % доверяют правительству) и развитый социальный капитал создают устойчивую систему. Социокультурные ценности (доверие, солидарность) и институциональные механизмы (налоги) органично взаимодействуют в контексте обеспечения социальных защиты, равенства и справедливости. Скандинавская модель демонстрирует возможность сочетания высокой экономической эффективности государства с обширной социальной защитой и обеспечением социальной справедливости, но требует специфических культурных, исторических и институциональных условий для успешного функционирования.

Обобщенно основные характеристики исследуемых моделей представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительная таблица моделей социализации
государственной экономической политики
Table 1 – Comparative table of models of socialization of state economic policy

Параметр	Латиноамериканская модель	Англо-саксонская модель	Азиатская модель	Континентальная европейская модель	Скандинавская модель
Философия	Популизм, поддержка бедных при высоком неравенстве	Индивидуальная ответственность, свобода, минимализм государства	Коллективизм, трудовая этика, инвестиции в человеческий капитал	Баланс рынка и социальной справедливости, социальное партнёрство	Универсализм, солидарность, «третий путь»
Роль государства	Активное, но несистемное вмешательство	Минимальная: базовые функции	Стратегическое регулирование, стимулирование роста	Высокая	Всеобъемлющая
Форма социализации	Адресная, ситуативная, фрагментарная	Смешанная: обязательные и дискреционные расходы	Корпоративная	Системная	Универсальная
Налоговая нагрузка (% от ВВП)	33	27	25	>40	>42

Продолжение таблицы 1
 Continuation of table 1

Параметр	Латиноамериканская модель	Англо-саксонская модель	Азиатская модель	Континентальная европейская модель	Скандинавская модель
Неравенство	Очень высокое	Высокое	Выше среднего	Низкое	Самое низкое
Уровень социальной защиты	Низкий, фрагментарный, ситуативный	Средний, ориентирован на уязвимые группы	Зависит от занятости в крупной корпорации	Высокий, системный	Очень высокий, универсальный
Ответственность за соцзащиту	Государство (ограниченно)	Государство + индивид	Корпорации и семья	Государство совместно с профсоюзами и работодателями	Государство (всесторонняя)
Сильные стороны	Предотвращает социальные взрывы, есть успешные ССТ-программы	Гибкость, инновации, экономический рост	Высокая производительность, стабильность в корпорациях	Социальная стабильность, равенство возможностей	Высокое качество жизни, низкое неравенство, универсальная защита
Слабые стороны	Хроническое неравенство, коррупция, не системность	Высокая социальная незащищённость, неравенство	Незащищённость вне корпораций	Высокие налоги, бюрократия	Очень высокие налоги, риск потери стимулов к труду

Исходя из международного опыта, для российского контекста целесообразной является трёхэтапная стратегия внедрения элементов социализации государственной экономической политики: а) диагностика и мониторинг (краткосрочный этап, 2-3 года), реформа инструментов социальной защиты (среднесрочный этап, 3-5 лет), финансовые и институциональные изменения (долгосрочный этап, более 5 лет).

В краткосрочной перспективе необходимо создание единой системы мониторинга социальной эффективности управленческих решений и запуск пилотных проектов условных денежных трансфертов. Параллельно реализуется комплекс мер по устранению «утечек» в системе социального обеспечения (получение помощи теми, кто на неё не имеет права), в том числе с помощью цифровых технологий (например, создание банка данных аналогичных Единому реестру получателей социальных пособий, который существует почти в 50 странах мира), и формируется межведомственная рабочая группа мониторинга и развития социализации государственной экономической политики.

Среднесрочные меры могут включать поэтапное углубление дифференциации прогрессивного налогообложения (на смену двухуровневой прогрессивной шкалы налогообложения НДФЛ, должна прийти пятиуровневая со ставками до 50 % для высоких доходов и 0 % для доходов на уровне минимальной оплаты труда), усиление корпоративной социальной ответственности.

В сфере социального обеспечения важными задачами становятся адресная защита уязвимых слоёв населения. Поэтому первоочерёдными мерами должны стать увеличение размеров детских пособий и коэффициента замещения дохода пенсией до 70 % от предпенсионного дохода, усиление программ переобучения, особенно для занятых на производствах, обладающих высоким потенциалом автоматизации процессов, предоставление государственных субсидий на аренду жилья для молодых семей.

Долгосрочная цель предполагает переход к модели социального государства с универсальными социальными гарантиями. Отдельные параметры такой модели: доля финансирования здравоохранения и образования в ВВП не ниже 10 %, на науку – не ниже 3 %; увеличение количества бюджетных мест для поступающих в вузы при одновременном уменьшении набора студентов на платной основе для обеспечения

справедливого доступа к высшему образованию и соответствия образовательных программ потребностям экономики; развитая корпоративная социальная ответственность под обязательным государственным надзором.

Выводы

Проведённое исследование позволило выделить пять основных моделей социализации государственной экономической политики, детализировав их характеристики в рамках исследуемой проблемы. Каждая модель обладает набором уникальных инструментов и механизмов, внедрение которых в российскую практику государственного управления придало бы импульс социализации управленческих решений в экономической сфере. Но при адаптации международного опыта необходимо учитывать российскую специфику: географические особенности огромной территории, демографические проблемы, экономическую зависимость от сырьевого экспорта, а последние годы и от импорта технологий, и недостаточную эффективность государственного управления. Вместе с тем природные ресурсы, высокий уровень образования населения, потенциал цифровизации и культурные традиции солидарности создают благоприятные условия для социализации государственной экономической политики. Разработанные рекомендации создают концептуальный каркас понимания необходимых для внедрения достижений зарубежного опыта в российские реалии и требуют дальнейшей детализации и конкретизации, в зависимости от выбранной модели формирования и реализации государством стратегии социализации своей экономической политики.

Список источников / References

1. Якунина И. Н. Социализация экономической политики – возможности и ограничения в современных российских условиях // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 7(29). С. 197-200. EDN: ONNGQR.

Yakunina I. N. Socialization of economic policy – opportunities and limitations in modern Russian conditions // Socio-economic phenomena and processes. 2011. No. 7(29). P. 197-200. EDN: ONNGQR. (In Russian)

2. Социализация государственной экономической политики: выбор Донбасса как необходимость: кол. монография / Минобрнауки ДНР, ГОУ ВПО «ДОНАУИГС»; под общ. ред. Л. Б. Костровец. Донецк: ГОУ ВПО «ДОНАУИГС», 2022. 703 с.

Socialization of state economic policy: the choice of Donbass as a necessity: a collective monograph / Ministry of Education and Science of the DPR, FSBEI HE "DONAMPA"; under the general editorship of L. B. Kostrovets. Donetsk: DONAMPA, 2022. 703 p. (In Russian)

3. Абубакиров Р. Ф. Социализация факторов экономического роста в современной России // Сегодня и завтра российской экономики. 2008. № 15. С. 14-21. EDN: TIMBLD.

Abubakirov R. F. Socialization of economic growth factors in modern Russia // Today and tomorrow of the Russian economy. 2008. No. 15. P. 14-21. EDN: TIMBLD. (In Russian)

4. Князева Е. В., Соколова Д. И. Социализация экономики и понимание прогресса // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 7(101). С. 97-102. EDN: LGXIST.

Knyazeva E. V., Sokolova D. I. Socialization of the economy and understanding progress // Economics and Business: theory and practice. 2023. No. 7(101). P. 97-102. EDN: LGXIST. (In Russian)

5. Гафарова К. Э. Теоретические и практические аспекты процессов социализации экономики // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2023. Т. 9(75), № 4. С. 25-31. EDN: JRTGOZ.

Gafarova K. E. Theoretical and practical aspects of the processes of economic socialization // Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Economics and management. 2023. Vol. 9(75), no. 4. P. 25-31. EDN: JRTGOZ. (In Russian)

6. Пунанова Т. И. Перспективы социализации экономики России // Управление социально-экономическими системами. 2019. № 2. С. 4-8. EDN: PIWCAE.

Punanova T. I. Prospects of socialization of the Russian economy // Management of socio-economic systems. 2019. No. 2. P. 4-8. EDN: PIWCAE. (In Russian)

7. Социализация экономики как фактор социального развития региона / Г. Ф. Биглова, Е. Ю. Бикметов, Л. А. Герасимова [и др.]. Уфа: Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН, 2019. 298 с.

Socialization of the economy as a factor of social development of the region / G. F. Biglova, E. Y. Bikmetov, L. A. Gerasimova [et al.]. Ufa: Institute of Socio-Economic Research of the UNC RAS, 2019. 298 p. (In Russian)

8. Приоритетные траектории социального развития региона в условиях социализации экономической системы: коллективная монография / под общ. ред. д-ра филос. наук, проф., акад. Академии наук Республики Башкортостан Ф. С. Файзуллина. Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН, 2020. 224 с.

Priority trajectories of social development of the region in the context of socialization of the economic system: a collective monograph / under the general editorship of- Ra philos. Sciences, professor, acad. Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan F. S. Fayzullina. Ufa: ISEI UFIC RAS, 2020. 224 p. (In Russian)

9. Mazzucato M. Mission Economy: A Moonshot Guide to Changing Capitalism. London: HarperCollins, 2021. 256 p.

10. Mazzucato M., Ryan-Collins J. Putting Value Creation Back into 'Public Value': From Market Fixing to Market Shaping // UCL Institute for Innovation and Public Purpose, Working Paper Series. 2022. № IPPP WP 2022-05. URL: <https://www.ucl.ac.uk/bartlett/public-purpose/publications/2022/may/putting-value-creation-back-public-value>.

11. Bengtsson E. A History of Scandinavian Socially Responsible Investing. // Journal of Business Ethics. 2008 Vol. 82. P. 969-983. <https://doi.org/10.1007/s10551-007-9606-y>.

12. Howard T., Kelly S. The Making of a Democratic Economy. Oakland: Berrett-Koehler Publishers, 2021. 256 p.

13. Hacker J. S. The Divided Welfare State. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 447 p.

14. Alperovitz G. America Beyond Capitalism: Reclaiming Our Wealth, Our Liberty, and Our Democracy. Takoma Park: Democracy Collaborative Press, 2011. 368 p.

15. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Princeton: Princeton University Press, 1990. 260 p.

16. Пантин В. И., Сигачев М. И. Социально-политическое развитие современных обществ: концепты, практики, проблемы (на примере стран Латинской Америки, ЕС и России) // Вестник Пермского университета. Политология. 2024. Т. 18, № 2. С. 5-14. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2024-2-5-14>.

Pantin V. I., Sigachev M. I. Socio-political development of modern societies: concepts, practices, problems (on the example of Latin America, the EU and Russia) // Bulletin of Perm University. Political science. 2024. Vol. 18, no. 2. pp. 5-14. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2024-2-5-14>. (In Russian)

17. Huber E., Stephens J. D. Democracy and the Left: Social Policy and Inequality in Latin America. Chicago: University of Chicago Press, 2012. 368 p.

18. How much has the U.S. government spent this year? // U.S. Department of the Treasury. URL: <https://fiscaldata.treasury.gov/americas-finance-guide/federal-spending/>.

19. Яровая Е. В. Регулирующие механизмы социально-исторического развития (опыт междисциплинарного анализа на примере США). Москва: ИМЭМО РАН, 2001. 234 с.

Yarovaya E. V. Regulatory mechanisms of socio-historical development (experience of interdisciplinary analysis on the example of the USA). Moscow: IMEMO RAS, 2001. 234 p. (In Russian)

20. Социально-экономическая эффективность: опыт США. Система саморазвития / Е. В. Яровая, А. А. Шлихтер, Г. К. Никольская [и др.]; отв. ред. В. И. Марцинкевич; редкол.: В. А. Мартынов, Р. М. Энтов, А. А. Дынкин [и др.]; Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. Москва: Наука, 2000. 301 с.

Socio-economic efficiency: the US experience. The system of self-development / E. V. Yarovaya, A. A. Shlichter, G. K. Nikolskaya [et al.]; edited by V. I. Martsinkevich; edited by V. A. Martynov, R. M. Entov, A. A. Dynkin [and others]; Institute of World Economy and International Relations. the relationship of wounds. Moscow: Nauka Publ., 2000. 301 p. (In Russian)

21. Pontusson J. Inequality and Prosperity: Social Europe vs. Liberal America. Ithaca: Cornell University Press, 2011. 242 p.

22. Хун И. Развитие социалистической рыночной экономики: практика китайской рыночной экономической трансформации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9, № 2(38). С. 25-30. EDN: WAPYLO.

Hong I. Development of the socialist market economy: the practice of Chinese market economic transformation // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2019. Vol. 9, no. 2(38). P. 25-30. EDN: VAPILO. (In Russian)

23. Amsden A. H. Asia's Next Giant: South Korea and Late Industrialization. Oxford: Oxford University Press, 1989. 400 p.

24. Западноевропейские страны: особенности социально-экономических моделей / [А. В. Авилова, А. М. Волков, В. П. Гутник и др.]; отв. ред. В. П. Гутник; Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. Москва: Наука, 2002. 270 с.

Western European countries: features of socio-economic models / [A. V. Avilova, A. M. Volkov, V. P. Gutnik et al.]; ed. by V. P. Gutnik; Russian Academy of Sciences, Institute of World Economy and International relationships. Moscow: Nauka Publ., 2002. 270 p. (In Russian)

25. Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королёва. Москва: Юрист, 2003. 604 с.

The world economy: global trends over 100 years / ed. by I. S. Korolev. Moscow: Jurist, 2003. 604 p. (In Russian)

26. Hall P. A., Soskice D. (eds.). Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage. Oxford: Oxford University Press, 2001. 556 p.

27. Konings M. The Emotional Logic of Capitalism: What Progressives have Missed. Stanford: Stanford University Press, 2015. 172 p.

28. Gendering the Comparative Analysis of Welfare States: An Unfinished Agenda // Sociological Theory. 2009. 27(3). P. 317-343.

Информация об авторах

Е. В. Котов – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, SPIN-код: 3723-1631.

О. Ю. Савченко – кандидат экономических наук, SPIN-код: 7244-0860.

Information about the authors

E. V. Kotov – Ph. D. (Economics), Senior Researcher, Associate Professor, SPIN: 3723-1631.

O. Yu. Savchenko – Ph. D. (Economics). Senior Lecturer, SPIN: 7244-0860.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 23.09.2025; принята к публикации 24.09.2025.

The article was submitted 15.09.2025; approved after reviewing 23.09.2025;

accepted for publication 24.09.2025.